

Кузнецов Н. Д. Русская художественная литература в отношении к вопросам религии: [По поводу кн.:] *Ктитарева Я. Н.* Вопросы религии и морали в русской художественной литературе. Горки Могил. губ., 1909 // Богословский вестник 1910. Т. 3. № 10. С. 333–352 (3-я пагин.).

Русская художественная литература въ отношеніи къ вопросамъ религіи.

Недавно въ городѣ Горки Могилевской губ. Я. Н. Ктитаревымъ издача книга подъ названіемъ: „Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ“.

Книга эта заслуживаетъ вниманія какъ тѣхъ, кто стремится къ всестороннему изученію русской литературы, такъ и вообще людей, интересующихся религіознымъ и моральнымъ состояніемъ русскаго общества.

Среди культурнаго человѣчества можно считать уже общепризнаннымъ, что русская художественная литература въ лицѣ ея перворазрядныхъ представителей занимаетъ особое мѣсто въ литературѣ міровой. Этимъ она обязана великой способности нашихъ писателей ярко изображать дѣйствительную жизнь и представлять въ захватывающихъ вниманіе художественныхъ образахъ русскую душу. А душа эта, какъ извѣстно, вообще имѣетъ большую склонность отдаваться размышленію о тайнахъ бытія и глубоко волноваться тѣми вопросами, которые не можетъ не ставить передъ собой человѣкъ, старающійся познать самого себя и осмыслить свою жизнь. Эта склонность въ разныхъ степеняхъ и формахъ сказывается и на русской интеллигенціи, и она выгодно отличаетъ ее отъ средней интеллигенціи въ Западной Европѣ. Русскій человѣкъ вообще менѣе расположенъ удовлетворяться тѣми буржуазными идеалами жизни, которые такъ крѣпко привязали къ себѣ человѣка западно-европейскаго.

Изучать русскую литературу, рисующую дѣйствительную жизнь русскаго народа и его интеллигенціи, это значить

вести мысль въ область идеализма и высшихъ вопросовъ бытія.

Въ этомъ отношеніи одинъ изъ современныхъ критиковъ Волжскій въ своей книгѣ „Изъ міра литературныхъ исканій“ справедливо указываетъ, что „русская художественная литература—вотъ истинная русская философія, самобытная, блестящая философія въ краскахъ слова, сіяющая радугой мысли, облеченная въ плоть и кровь живыхъ образовъ художественнаго творчества. Всегда отзывчивая къ настоящему, преходящему, временному, русская художественная литература въ то же время всегда была сильна мыслью о вѣчномъ непреходящемъ. Почти всегда въ глубинѣ ея шла неустанная работа надъ самыми важными неумирающими изначальными проблемами человѣческаго духа. Съ проклятыми вопросами она никогда почти не разставалась¹⁾...“

Изученіе съ этой точки зрѣнія русской литературы приводитъ Я. Н. Ктитарева къ заключенію, что наша литература главнымъ образомъ занята религіозно-философскими вопросами. „Идея Бога, поясняетъ онъ, христіанскій альтруизмъ, жалость къ человѣку, стремленіе сгладить, стусевать рѣзкія раздѣленія между людьми, защитить человѣка, поднять его нравственно, послужить ему,—это ея первая задача“ (стр. 9).

Подобное направленіе русской художественной литературы, конечно, тѣсно связываетъ ее съ областью морали и религіи. Наша литература не только подводитъ сознаніе человѣка къ ихъ границамъ, но и въ самыхъ этихъ областяхъ нерѣдко очень ярко обрисовываетъ глубокіе вопросы, которые затрагиваютъ современнаго человѣка и съ которыми необходимо считаться особенно людямъ, желающимъ руководить религіозною мыслью общества.

Объ отношеніи художественной литературы къ христіанскимъ идеаламъ авторъ между прочимъ говоритъ: „Какъ наука и философія культивируютъ умъ человѣка, служатъ могучимъ импульсомъ къ возбужденію энергіи его богословствующаго разума, внося новыи свѣтъ въ пониманіе богооткровенныхъ истинъ, такъ точно художественная литера-

¹⁾ Волжскій Изъ міра литературныхъ исканій Сборникъ статей. СІЕ 1906 г. На могилу А П Чехова стр. 183

тура культивируетъ чувства, служить могучимъ средствомъ къ подъему идеализма и является постояннымъ источникомъ и факторомъ нравственнаго прогресса человѣчества, углубляя и расширяя его нравственное и эстетическое сознание. Какъ въ героическія эпохи поэзія ярко изображала картины битвы человѣка за вѣчныя идеи разума, такъ и теперь въ современной поэзіи мы найдемъ яркія картины идейной борьбы человѣчества. Нѣтъ лучшаго пути въ душу современнаго общества какъ только черезъ художественную литературу. Она легко, пріятно и незамѣтно вводитъ въ думы и чувства современнаго человѣчества“ (стр. 283).

При такихъ условіяхъ понятно, какимъ важнымъ пособіемъ должна служить художественная литература въ дѣлѣ проповѣди и преподаванія Закона Божія.

Кому не извѣстно, что то и другое важное дѣло уже давно подавлены у насъ мертвыми формами и вопросами, волновавшими религіозную мысль во времена очень отдаленныя отъ насъ.

Большинство проповѣдниковъ и большинство составителей руководствъ по Закону Божію какъ будто убѣждены, что духовная жизнь людей только и можетъ проявляться въ тѣхъ формахъ и мысляхъ, которыя отличаютъ вѣка давно минувшіе и которые обнаружились, напр., во времена Византіи.

Запросы же религіозной мысли и нужды церковной жизни, вызванныя навыками, условіями и потребностями жизни и не умѣщающіяся въ прежнія рамки и формулы, нерѣдко съ легкимъ сердцемъ объявляются у насъ не имѣющими права на существованіе и на нихъ стараются наклеить ярлыкъ съ надписью: „протестантскій“, антицерковный и т. п.

Но не такъ дѣйствовали великіе дѣятели христіанства, напр. апологеты и учителя Церкви первыхъ вѣковъ. Они чутко относились къ современнымъ имъ запросамъ религіозной мысли, умѣли разбирать тихій голосъ событій и на все это находили отвѣтъ и разъясненіе въ своемъ развитомъ христіанской жизни духѣ.

Какъ дорого для Церкви существованіе въ ея нѣдрахъ такихъ людей.

Въ сравненіи съ ними теперешнее пренебреженіе современными запросами религіозной мысли и нуждами церков-

ной жизни со стороны многихъ, призванныхъ руководить духовной жизнью народа, ясно оказывается не ревностью по вѣрѣ, какъ склонны думать они сами, а просто ограниченностью кругозора и слабостью христіанскаго духа.

На первомъ всероссійскомъ съѣздѣ законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній 1909 года въ Петербургѣ мы старались обратить вниманіе, что обычное у насъ преподаваніе Закона Божія разсчитано на другихъ людей, которые уже давно покинули этотъ міръ. Преподаваніе это само старается навязать сознанію учащихся, и нерѣдко совершенно искусственно, извѣстный рядъ вопросовъ и все время держать его въ ихъ кругѣ, игнорируя многія важныя духовныя потребности и вопросы религіозной мысли современнаго общества ¹⁾. И вотъ, если христіанская проповѣдь и преподаваніе Закона Божія не должны итти мимо дѣйствительной жизни, то въ этомъ дѣлѣ можетъ между прочимъ принести большую пользу изученіе русской художественной литературы въ ея отношеніи къ вопросамъ религіи и морали. Систематизировать полученный такимъ образомъ матеріалъ и представить его, какъ одно цѣлое, какъ дѣйствительный и свойственный вообще человѣческой душѣ порывъ въ область высшей жизни—вотъ задача, вызываемая знакомствомъ съ русской литературой и потребностями нашего времени. Выполненіе ея уже давно лежитъ на совѣсти особенно тѣхъ, кто принялъ на себя обязанность руководить религіозной жизнью народа.

И вотъ Я. Н. Кутитаревымъ сдѣланъ опытъ въ этомъ направленіи. Авторъ самъ называетъ свою книгу „слабой попыткой систематизаціи матеріала удовлетворить въ микроскопической дозѣ естественной жаждѣ итога художественной мысли съ точки зрѣнія религіозныхъ и моральныхъ томленій человѣчества“. Самъ авторъ занимается преподаваніемъ закона Божія и, какъ мнѣ извѣстно, не удовлетворяется обычными методами, а старается преподавать его болѣе живымъ образомъ. Нужно думать, что онъ съ успѣхомъ пользуется для этого и обширнымъ матеріаломъ, доставляемымъ богатой духовнымъ содержаніемъ русской литературой. Книга

¹⁾ Н. Д. Кузнецовъ. Духъ времени, потребности общества и принципы преподаванія Закона Божія. СПб 1909 года

его можетъ быть прочитана съ интересомъ. Мысль читателя, обогащенная указаніемъ того, что раскрылось сознанію нашихъ писателей, дѣйствительно пріобрѣтаетъ поддержку въ своихъ религіозныхъ стремленіяхъ и въ потребности моральнаго закона.

Въ своей книгѣ авторъ останавливается на произведеніяхъ Ф. М. Достоевскаго, Толстого, А. А. Фета. А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго, Ф. И. Тютчева, С. Я. Надсона, А. Н. Плещеева, В. Г. Короленко, М. Горькаго, А. П. Чехова, а въ послѣдней главѣ касается декаденства.

При разсмотрѣніи произведеній всѣхъ этихъ писателей Я. Н. Ктитарева не ограничивается лишь своими собственными соображеніями и выводами, но пользуется и обширной критической о нихъ литературой.

Первое мѣсто въ своей книгѣ автору, естественно, пришлось удѣлить Достоевскому. Этотъ величайшій изъ писателей по общему признанію проникаетъ въ самыя глубины сложной жизни человѣческой души и раскрываетъ передъ нами то, что совершается здѣсь подъ тѣмъ или другимъ обычнымъ внѣшнимъ обликомъ человѣка. Такое проникновеніе естественно приводитъ Достоевскаго въ соприкосновеніе съ вопросами христіанства. Христіанство, какъ убѣдились еще въ первые вѣка, близко человѣческой природѣ и соответствуетъ ея глубочайшимъ стремленіямъ и самымъ возвышеннымъ ея потребностямъ. Изъ тѣхъ вѣковъ до насъ дошло справедливое положеніе, что *anima humana — natura christiana*, т. е. человѣческая душа по природѣ христіанская. Если древніе христіанскіе писатели разъясняли это положеніе путемъ сопоставленія стремленій человѣческой души и задачъ христіанства, то Достоевскій въ дополненіе къ нимъ представляетъ это въ художественныхъ образахъ. Въ произведеніяхъ Достоевскаго передъ нами съ необыкновенной яркостью раскрывается внутренняя жизнь многихъ людей, и мы ясно видимъ, какъ необходимо для человѣка христіанство съ его тайнами исцѣленія мятущейся человѣческой души и удовлетворенія ея высшимъ потребностямъ.

Одинъ изъ иностранныхъ писателей, Георгъ Брандесъ, разбирая сочиненія Достоевскаго, прямо заявляетъ, что они представляютъ „настояшій арсеналъ христіански воспринятыхъ характеровъ и душевныхъ состояній. Всѣ дѣйствующія

лица въ его произведеніяхъ болыные, грѣшники или святые обоого пола, и переходъ отъ состоянія грѣшника къ обратному состоянію, отъ грѣшницы къ святой и отъ физически болыного къ душевно-здоровому происходитъ то путемъ медленнаго очищенія, то внезапно, въ одно мгновеніе, какъ въ Новомъ Завѣтѣ бываетъ иногда, что грѣшница является въ то же время и святой, а величайшій преступникъ одинаково близокъ отъ того, чтобы возбуждать наше восхищеніе или вызывать наше отвращеніе своимъ негодяйствомъ“¹⁾. Вл. С. Соловьевъ обращаетъ вниманіе, что Достоевскій прежде всего любилъ живую человѣческую душу во всемъ и вездѣ и вѣрилъ, что „мы всѣ родъ Божій, вѣрилъ въ безконечную силу человѣческой души, торжествующую надъ всѣми внѣшними насиліями и надъ всякимъ внутреннимъ паденіемъ. Принявъ въ свою душу всю жизненную злобу, всю тяготу и черноту жизни и преодолѣвъ все это безконечною силою любви, Достоевскій во всѣхъ своихъ твореніяхъ возвѣщалъ эту побѣду. Извѣдавъ божественную силу въ душѣ, пробивающуюся черезъ всякую человѣческую немощь, Достоевскій пришелъ къ познанію Бога и Богочеловѣка. Дѣйствительность Бога и Христа открылась ему во внутренней силѣ любви и всепрощенія и эту же всепрощающую благодатную силу проповѣдывалъ онъ какъ основаніе и для внѣшняго осуществленія на землѣ того царства правды, котораго онъ жаждалъ и къ которому стремился всю свою жизнь“¹⁾.

Эти высокія черты личности Достоевскаго и его большой талантъ художника помогли ему далѣе другихъ заглянуть въ тѣ сокровенныя глубины человѣческой души, гдѣ происходитъ зарожденіе религіозной жизни и опредѣляется скрытое движеніе нашего существа въ томъ или иномъ направленіи.

Чтеніе книги Ктитарева заставляетъ насъ лишній разъ, напр., напомнить себѣ поражающую глубиной анализа сцену изъ романа „Бѣсы“, когда передъ сознаніемъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа, Кирилова, возстаетъ идея Бога

¹⁾ Г. Бравдесъ. Англійская литература Отд. 2 о русскихъ писателяхъ Кіевъ 1908 г., стр. 155.

²⁾ В. Соловьевъ. Три рѣчи въ память Достоевскаго. Москва 1884 г., стр. 4

„Если нѣтъ Бога, заявляетъ Кириловъ Верховенскому, то я Богъ. Если есть Богъ, то вся воля Его и изъ воли Его я не могу. Если нѣтъ, то вся воля моя и я обязанъ заявить своеволие... Сознать, что нѣтъ Бога, продолжаетъ Кирилловъ, и не сознать въ тотъ же разъ, что самъ Богомъ сталъ—есть нелѣпность, иначе непременно убьешь себя самъ. Если знаешь, ты царь и уже не убьешь себя самъ, а будешь жить въ самой главной славѣ. Но одинъ тотъ, кто первый, долженъ убить себя непременно. Иначе кто же начнетъ и докажетъ. Я три года искалъ атрибутъ божества моего и нашелъ: атрибутъ божества моего—своеволие! Это все, чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою“.

Вотъ каково значеніе идеи Бога для человѣка, и его каждый въ той или иной степени можетъ прослѣдить на самомъ себѣ! Эта идея отнюдь не безразлична для нашей природы. Въ этомъ отношеніи происходитъ нѣчто подобное тому, какъ изучая, наприм., глазъ, мы подразумѣваемъ существованіе явленій свѣта, изучая ухо, думаемъ о существованіи явленій слуха и т. д. Идея Бога связана съ самымъ существомъ нашей души и вызываетъ въ томъ или другомъ направленіи скрытую работу сознанія, опредѣляющую наши жизненныя стремленія. Богъ или своеволие зараженнаго зломъ человѣка со всѣми его эгоистическими притязаніями и возможными отъ нихъ ужасами,—въ такой формѣ между прочимъ возстаетъ передъ нами религіозная проблема.

Стоитъ заглянуть подъ руководствомъ Достоевскаго въ глубину человѣческой души, и какой ограниченной и жалкой представляется господствующая въ современной культурѣ тенденція признать религіозные вопросы ничтожными или,—еще того смѣшнѣ,—реакціонными, и вовсе исключить изъ человѣческой культуры религіозное начало жизни. Люди, склонные падать ницъ предъ современной стремящейся быть безрелигіозной культурой, благодаря Достоевскому, могутъ понять, что, ограничивая этимъ интересы жизни, они не обогащаютъ, а искажаютъ человѣческую природу. Имъ придется заглушить въ себѣ лучшія потребности и идеалы, отказаться отъ удовлетворенія высшихъ запросовъ разума

и сердца и въ довершеніе всего рано или поздно подвергнуться всѣмъ случайностямъ человѣческаго своеволія.

Но разсматривая произведенія Достоевскаго съ точки зрѣнія вопросовъ религіи и морали, авторъ почему-то не отмѣтилъ, что Достоевскій ярко выдвинулъ нѣсколько религіозныхъ проблеммъ, которыя болѣе или менѣе волнуютъ въ наше время многихъ и съ которыми не можетъ не считаться и общее церковное сознаніе. Таковы, напримѣръ, проблема человѣческаго страданія и проблема о значеніи и задачахъ Церкви на землѣ съ ея острымъ въ настоящее время вопросомъ объ участіи Церкви въ устройствѣ человѣческой жизни.

Къ сожалѣнію люди, призванные руководить религіозною мыслью общества, до сихъ поръ остаются безмолвны на эти запросы. Между тѣмъ разъясненіе этихъ проблеммъ при свѣтѣ христіанства поддержало бы и укрѣпило вѣру многихъ. Оно было бы гораздо важнѣе, чѣмъ, напримѣръ, самыя ученія изслѣдованія изъ области прежнихъ временъ Церкви или еще тѣмъ болѣе изслѣдованія изъ области египетской религіи.

Не слѣдуетъ забывать, что нѣкоторые вопросы, зорко подмѣченные Достоевскимъ въ глубинѣ современныхъ человѣческихъ душъ и съ свойственной ему гениальностью ясно представленны нашему сознанію, не остаются безплодными въ сознаніи многихъ. Они заставляють въ соответствующемъ направленіи работать мысли людей. Не будучи освѣщены и разработаны въ духѣ христіанскомъ, иные изъ этихъ вопросовъ могутъ способствовать развитію, напримѣръ, и такихъ теченій, какъ ницшеанства. Извѣстно, что на Ницше оказали не малое вліяніе именно сочиненія Достоевскаго и нѣкоторые ярко выдвинутые въ нихъ передъ современнымъ сознаніемъ вопросы религіи и морали.

Второе мѣсто авторъ отводитъ, конечно, Л. Н. Толстому, и справедливо указываетъ, что Толстой является проповѣдникомъ такъ называемой естественной религіи и морали. По нашему мнѣнію, автору слѣдовало бы нѣсколько съ болѣею силой подчеркнуть, что Толстой снова поставилъ передъ сознаніемъ людей старую проблему объ естественной религіи и морали, съ которой приходится теперь очень считаться въ области религіи. Кромѣ того для современныхъ

читателей вообще было бы не бесполезно разъяснить самыя эти понятія и отмѣтить, что въ исторіи человѣчества и въ прежнее время нерѣдко обнаруживались попытки установить для него естественную религію и мораль. Въ этомъ направленіи дѣйствовали, напримѣръ, Сократъ, стоики, Конфуцій и др.

Не довольствуясь обычной окружающею жизнью, сосредоточивающею все вниманіе человѣка на внѣшней жизни и ея задачахъ, люди эти углублялись въ разсмотрѣніе собственной природы и при помощи своего разума извлекали отсюда разныя частицы добра и на основаніи ихъ провозглашали тѣ или другія положенія, касающіяся религіи и морали и выдаваемые ими за общеобязательныя.

Въ этомъ служеніи Толстого идеямъ естественной религіи и морали все его огромное значеніе для современнаго культурнаго общества и вся его слабость какъ проповѣдника положительныхъ началъ жизни. Толстой напоминаетъ собою древняго Сократа, котораго готовы слушать много современныхъ людей, сбитыхъ съ толку въ вопросахъ религіи и морали и смутно чувствующихъ недостатокъ для жизни того, что называется культурой. Изъ разсмотрѣнія природы человѣка, конечно, можно вывести немало справедливаго и полезнаго, обличающаго обычное направленіе жизни. Толстой дѣлаетъ это въ своихъ художественныхъ образахъ, способныхъ сильно вліять на сознаніе людей, и въ этомъ его великая заслуга.

Изученіе произведеній Толстого хорошо показываетъ, какъ односторонняя современная культура съ ея слѣпой вѣрой во внѣшнія условія жизни и въ добываніе всей истины жизни путемъ науки. Даже передъ сознаніемъ человѣка, стоящаго только на почвѣ естественной морали и религіи, человѣческая культура со всѣми плодами цивилизаціи и съ своимъ неопредѣленнымъ и малосодержательнымъ ученіемъ о прогрессѣ не выдерживаетъ критики и представляется не только недостаточной, но и извращающею самыя высокія потребности человѣка. Отсюда понятно отрицаніе культуры и приглашеніе людей къ опрощенію, которыя отличаютъ проповѣдниковъ естественной морали и религіи.

Толстой въ теченіе своей долгой литературной дѣятельности старался оттолкнуть людей отъ науки и подорвать

вѣру въ силу человѣческаго разума понять и устроить жизнь. Эта черта произведеній гр. Толстого между прочимъ особенно отмѣчена нашимъ критикомъ Н. К. Михайловскимъ, который напротивъ склоненъ былъ къ вѣрѣ въ науку и въ безграничную силу разума. Съ особенной охотой, по разъясненію Н. Михайловскаго, Толстой при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркиваетъ безсиліе разума передъ жизнью, безсиліе не только измѣнить и направить ее, но даже и понять ¹⁾.

Еще недавно, въ августъ этого года, появилась въ печати новая статья Льва Толстого о наукѣ. Толстой возстаетъ противъ признанія, что истинная наука въ томъ, чтобы знать, какой царь, и когда съ кѣмъ воевалъ, и кто какіе писалъ стихи, и какъ г. Р. опредѣляетъ государственное право совершенно противно тому, какъ его опредѣляетъ г. С., и какъ произошла обезьяна, и когда пойдетъ комета, и т. п. Люди эти такъ увѣрены въ томъ, что посредствомъ памяти, набивъ себѣ голову всякими праздными разсужденіями разныхъ господъ о самыхъ ненужныхъ людямъ предметахъ, они стоятъ на высшей точкѣ человѣческаго развитія, что доказывать что-либо такимъ людямъ совершенно бесполезно.

Истинной же наукой, по мнѣнію Толстого, можетъ быть и будетъ только такая наука, въ основу которой будетъ положено религиозно-нравственное ученіе о душѣ человѣка, о Богѣ и нравственности...

Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы понять значеніе современной науки и постараться поставить ее въ сознаніи людей на надлежащее мѣсто съ разъясненіемъ недостаточности ея методовъ и способовъ познанія для всей жизни и человѣка и окружающей природы, Толстой съ свойственной ему во многихъ вопросахъ крайней односторонностью пытается совсѣмъ ниспровергнуть науку. Вообще, какъ справедливо писалъ еще въ 1862 году Евгеній Марковъ, „въ лицѣ Толстого, является писатель съ самымъ широкимъ протестомъ противъ всей нашей цивилизаціи, противъ всего нашего прогресса“, при чемъ до очевидности ясно, что его нападенія на существующія системы образованія и воспи-

¹⁾ Русское Богатство 1895 г. № 3 Литература и жизнь Н. К. Михайловскаго стр. 134

танія только первая страница, первый шагъ этого общаго протеста“ 1)...

Въ своемъ замѣчательномъ разсказѣ „Смерть Ивана Ильича“ Толстой ярко показываетъ, въ какомъ ничтожномъ и даже мрачномъ свѣтѣ представляется предъ лицомъ смерти жизнь обыкновеннаго средняго человѣка, достаточно культурнаго и вполнѣ порядочнаго въ обычномъ общественномъ значеніи этого слова. Одинъ изъ критиковъ Арс. И. Введенскій справедливо говоритъ, что весь разсказъ есть яркое отрицаніе жизни, которую вель Иванъ Ильичъ и вмѣстѣ съ нимъ милліоны людей, считающихъ себя образованными, развитыми, живущими сознательно и разумно, цвѣтомъ общества человѣческаго 2).

Правдивостью и потрясающей сердца силой этого разсказа Толстой въ значительной степени развѣнчиваетъ и обычное образованіе, какъ способъ распространенія культуры въ народныхъ массахъ. Передъ голосомъ жизни, который слышится въ разсказѣ Толстого, какими наивными кажутся надежды, возлагаемыя теперь на образованіе очень многими, присваивающими себѣ мало содержательное названіе прогрессистовъ и отъ такого названія выростающими въ своихъ собственныхъ глазахъ! По разъясненію Арс. И. Введенскаго, Толстой здѣсь разрушаетъ иллюзію, будто бы всякое образованіе и развитіе дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Образъ Ивана Ильича съ поразительной рельефностью доказываетъ, что формально просвѣщенный человѣкъ можетъ не имѣть элементарныхъ представленій о смыслѣ и цѣляхъ своей собственной дѣятельности и вносить въ отношенія къ людямъ тотъ эгоизмъ, ту сухость сердца, которая мертвятъ всякую жизнь и дѣлаютъ ее невыносимою для человѣка съ сердцемъ и умомъ 3). При такихъ условіяхъ развѣ не странно, чтобы не сказать больше, вышло зрѣлице, свидѣтелями котораго мы были нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Многие мужи науки, уже убѣленные съдинами, всю жизнь твердившіе о наукѣ, какъ объ единственномъ источникѣ истины,

1) Сѣверный вѣстникъ 1888 г № 10 Критика Толстого, стр. 38

2) Ад И Введенскій общественное самосознаніе въ русской литературѣ Критическія очерки. Спб. 1900 г, стр. 215

3) Тамъ же стр. 225.

и немало разнаго рода общественныхъ дѣятелей, постоянно кричащихъ о пользѣ культуры съ ея безрелигіознымъ образованіемъ и слѣпой вѣрой въ прогрессъ, во время чествованія восьмидесятилѣтняго юбилея Толстого вдругъ какъ будто забыли о своихъ обычныхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Къ удивленію, эти именно лица особенно громко принялись изъ всѣхъ силъ хлопотать о прославленіи Толстого и о распространеніи его произведеній въ народѣ, отрицающихъ все, чему поклоняются они. Что это? Легкомысліе-ли вообще, обнаруженіе-ли непрочности своихъ культурныхъ убѣжденій, желаніе ли угодить многочисленной толпѣ почитателей Толстого, или можетъ быть проясненіе подъ вліяніемъ Толстого собственнаго ума отъ подавляющихъ его одностороннихъ взглядовъ?

Во всякомъ случаѣ по поводу такихъ фактовъ нельзя не отмѣтить, что Толстой, будучи писателемъ, пропагандирующимъ идеи естественной религіи и морали, сумѣлъ заставить многихъ людей съ отрицаемыми этимъ писателемъ убѣжденіями забыть въ отношеніи ихъ о своемъ достоинствѣ и дѣйствовать противъ самихъ же себя.

Но если естественная мораль и религія способны свидѣтельствовать о неудовлетворенности и недостаткахъ безрелигіозной и внѣшней жизни и подрывать вѣру въ такую жизнь, то они являются совершенно безпомощными въ дѣлѣ построенія положительнаго идеала жизни.

Не говоря уже о томъ, что представители естественной морали и религіи произвольно полагаютъ въ основаніе тѣ или другіе отдѣльные задатки или свойства человѣка и въ этомъ отношеніи противорѣчатъ другъ другу, они оказываются неспособными представить общій идеалъ жизни и дать необходимое для него конкретное выраженіе. Они забываютъ, что добро, хранящееся еще въ людяхъ, находится не только въ смѣшеніи со зломъ, но и въ состояніи разединенія, подобно, напримѣръ, частицамъ разбитаго стекла. Для правильной жизни человѣка недостаточно только указать въ душѣ эти частицы добра, но нужно еще ослабить дѣйствіе на нихъ зла и какимъ-либо огнемъ сплавить ихъ въ одну цѣлую массу, доставляющую содержаніе всей жизни человѣка.

Толстой повторяетъ заблужденіе Сократа относительно че-

ловѣческой природы. Сократъ думалъ, что стоитъ людямъ узнать и понять хорошее и разумъ ихъ заставить измѣнить въ этомъ направленіи жизнь и держаться только хорошаго.

Придавая столь большое значеніе въ религіозно-нравственной жизни разуму человѣка, Толстой въ этомъ случаѣ едва-ли не впадаетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собой, когда онъ указываетъ на безсиліе разума для жизни и отрицаетъ культуру, какъ продуктъ человѣческаго разума. Почему же человѣческій разумъ, недостаточный для пониманія и правильнаго устроенія жизни вообще, можетъ служить вполне надежной опорой въ болѣе высокой области жизни, религіозно-нравственной? Почему же человѣкъ, освобожденный отъ вредныхъ вліяній современной культуры, не будетъ снова создавать подобную же культуру? Вѣдь всѣ указанія и рассужденія Толстого—не новость. Вѣдь и до Толстого человѣчеству были знакомы идеи естественной религіи и морали, и однако жизнь человѣческая сложилась, какъ она есть!

Правда, положенныя въ основаніе своихъ религіозно-нравственныхъ взглядовъ—идеи естественной религіи и морали Толстой старается облечь въ христіанскія формы и говорить о нихъ языкомъ, заимствованнымъ у христіанства, но это нисколько не измѣняетъ существа дѣла, внося лишь большую путаницу во многіе умы людей. Христіанство ясно показало міру, что нравственно-религіозное содержаніе жизни, охватывающее все существо человѣка, не придумывается нами, а дается намъ въ готовомъ видѣ, въ формѣ одного непрерывнаго процесса жизни. Для этого человѣку нужно отвергнуться самого себя и послѣдовать не отдѣльнымъ какимъ-либо заповѣдямъ, а всецѣло отдаться жизни, раскрытой христіанствомъ. Игнорированіе факта разстройства человѣческой природы и сильнаго вліянія въ ней зла сузило религіозно-нравственные горизонты Толстого, наприм., до того, что онъ готовъ заключать свою вѣру въ произвольно избранныя имъ пять заповѣдей ¹⁾.

Вѣковой опытъ жизни свидѣтельствуетъ, что мало не только знать о добрѣ, но мало и хотѣть его, а нужно еще исцѣленіе нашей природы и приобрѣтеніе силы исполнять

¹⁾ Въ чемъ моя вѣра? Л. Н. Толстого, гл. VI.

добро. Вопль одного изъ величайшихъ людей, что добра, котораго онъ хочетъ, не дѣлаетъ, а зло, котораго не хочетъ, дѣлаетъ, почти уже двѣ тысячи лѣтъ повторяется милліонами людей, и этотъ одинъ фактъ подрываетъ значеніе естественной морали и религіи, проповѣдникомъ которой и выступилъ у насъ Толстой.

По разсмотрѣніи произведеній Толстого авторъ переходитъ къ другимъ указаннымъ выше писателямъ.

Но для мысли, пробужденной образами и идеями Достоевскаго и Толстого, вопросы религіи и морали, затрогиваемые этими писателями, представляются уже болѣе блѣдными и далеко не такъ волнующими духъ.

Чтеніе этой части книги Я. Н. Клитарева между прочимъ лишній разъ заставляетъ обратить вниманіе, что поэзія есть продуктъ болѣе широкаго воспріятія разлитой въ природѣ жизни, чѣмъ это бываетъ обыкновенно.

Самый фактъ существованія поэзіи и нашего услажденія ею свидѣтельствуешь, что жизнь человѣка и природы далеко не охватывается одинаково всѣми, и для выраженія ея часто бессильны не только философскія формулы и научныя положенія, но даже и самыя слова.

Въ этомъ отношеніи поэты ясно чувствуютъ то, что высказалъ одинъ изъ нихъ:

„О еслибъ безъ слова
Сказать душой было можно!“

Поэтамъ часто хочется

„Шепнуть о томъ, предъ чѣмъ языкъ нѣмѣть“.

Вся поэзія связана съ особо-широкимъ воспріятіемъ жизни. Стараясь охарактеризовать извѣстнаго Гете, нашъ поэтъ Баратынскій между прочимъ говоритъ:

Съ природой одной онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорита морская волна.

Ничѣмъ инымъ какъ недостаткомъ воспріятія совершающагося въ природѣ объясняютъ они обычное отношеніе людей къ природѣ:

Они не видятъ и не слышатъ,

Живутъ въ семъ мірѣ, какъ въ потьмахъ,
 Для нихъ и солнца, зная, не дышатъ,
 И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.
 Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
 Весна въ груди ихъ не цвѣла,
 При нихъ лѣса не говорили,
 И ночь въ звѣздахъ нѣма была,
 И, языками неземными,
 Волнуя рѣки и лѣса,
 Въ ночи не совѣщалась съ ними
 Въ бесѣдѣ дружеской гроза.
 Не ихъ вина: пойми, коль можетъ
 Органа жизнь глухо-нѣмой.
 Увы! души въ немъ не встревожить
 И голосъ матери самой.

(Тютчевъ).

Самый языкъ поэзіи не придумывается, а вызывается особеннымъ образомъ ощущаемой поэтомъ жизнью природы. Одинъ изъ нихъ справедливо предупреждаетъ:

Гармоніи стиха божественныя тайны
 Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ,
 У берега сонныхъ водъ, одинъ, бродя случайно,
 Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
 Дубравы говору: ихъ звукъ необычайный
 Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
 Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
 Польются звучныя, какъ музыка дубравы.

(Майковъ).

Наконецъ, болѣе широкое воспріятіе жизни, свойственное поэтамъ, заставляетъ ихъ открыто признавать великую цѣнность жизни и возставать противъ близорукихъ и одностороннихъ на нее взглядовъ иныхъ людей.

Не говори, что жизнь игрушка
 Въ рукахъ бессмысленной судьбы,
 Безпечной глупости пирушка,
 И ядъ сомнѣній и борьбы...
 Нѣтъ, жизнь—разумное стремленье
 Туда, гдѣ вѣчный свѣтъ горитъ,
 Гдѣ человѣкъ, вѣнецъ творенья,
 Надъ міромъ высоко царитъ... (Надсонъ).

Такимъ образомъ ясно, что изученіе поэзіи приводитъ къ вопросу о воспріятіи и познаніи нами жизни вообще, и это автору слѣдовало бы подчеркнуть съ большей силой. Вопросъ о воспріятіи и познаніи жизни по обстоятельствамъ времени имѣетъ важное значеніе въ области морали и религій.

Не слѣдуетъ забывать, что въ современной культурѣ замѣтно пробивается тенденція признать научные методы и способы познанія истины и жизни, особенно же свойственные естествознанію, универсальными и единственно достоверными.

Поэтому все недоступное научному изслѣдованію, а преимущественно предметы и вопросы религій, уже въ силу этого подвергаются сомнѣнію и исключаются изъ сферы культурнаго вниманія.

Сколько людей оказываются сбитыми съ толку подобнымъ направленіемъ культуры и какъ суживается отъ этого ихъ горизонтъ жизни! Узкій же и односторонній взглядъ на жизнь очень часто именно и служить большимъ препятствіемъ въ дѣлѣ пониманія и принятія христіанства.

И вотъ обращеніе вниманія на такой фактъ, какъ поэзія, съ ея сильнымъ вліяніемъ на людей, и сопоставленіе этого съ методами и задачами науки можетъ способствовать въ подобныхъ случаяхъ расширенію кругозора. Человѣкъ, духовно тупѣющій отъ современной цивилизаціи, которая до сихъ поръ могла создать и поддерживать лишь буржуазные идеалы и порядки жизни, получаетъ возможность выйти изъ узкой сферы чувствъ и мыслей своего органическаго существованія, какъ бы расширить свой жизненный опытъ и замѣтить новыя стороны въ жизни природы и его самого. Передъ загуманеннымъ сознаніемъ человѣка жизнь начинается выступать въ ея большей непосредственности и глубинѣ, не умѣщающимися въ рамки и методы науки. Человѣкъ будетъ продолжать цѣнить значеніе науки, но уже въ извѣстныхъ свойственныхъ ей предѣлахъ.

Великій писатель и вмѣстѣ ученый Гете, имѣвшій возможность сравнить сущность своихъ поэтическихъ произведеній съ научными изслѣдованіями, по вопросу объ отношеніи науки и жизни высказываетъ въ своемъ „Фаустѣ“ словами Мефистофеля:

Кто хочетъ что-нибудь живое изучить,

Сперва его всегда онъ убиваетъ,
 Потомъ на части разнимаетъ,
 Хоть связи жизненной—увы!—тамъ не открытъ.

Не менѣе справедливо говорить и Фаустъ, погруженный въ размышленіе о своихъ стремленіяхъ:

Увы! чего не могъ постигнуть ты душой,
 Не объяснить тебѣ винтомъ и рычагами.

Въ заключеніе рѣчи по поводу книги Ктитарева не лишнее предупредить одно недоумѣніе, которое можетъ возникнуть у нѣкоторыхъ относительно утвержденія, что изученіе русской художественной литературы можетъ служить хорошимъ пособіемъ въ дѣлѣ проповѣди и преподаванія Закона Божія.

Всегда находится не мало людей, которые принадлежать къ узкимъ охранителямъ. Воспитанные при тѣхъ или другихъ порядкахъ и привыкшіе къ извѣстнымъ приемамъ, они склонны встрѣчать враждебно все, что не соответствуетъ установившимся у нихъ понятіямъ и привычкамъ, особенно еще, если новыя условія требуютъ большой затраты энергіи и труда, или угрожаютъ ихъ прежнему болѣе спокойному положенію. Позвольте—скажутъ, вѣроятно, такіе лица,—да развѣ можно вводить подобное „новшество“, развѣ допустимо съ понятіемъ проповѣди и преподаваніемъ Закона Божія соединять изученіе свѣтской литературы, особенно же произведеній отпавшаго отъ Церкви Толстого? Для проповѣди и преподаванія Закона Божія достаточно св. Писанія и сочиненій свят. отцовъ.

Всѣмъ такимъ лицамъ достаточно указать на проповѣдь св. апостола Павла въ Афинахъ, въ которой для разъясненія своихъ словъ онъ прямо ссылается на древнихъ греческихъ, языческихъ, стихотворцевъ. (Дѣян. XVII, 28).

Пусть они вспомнятъ затѣмъ, наприм. св. Григорія Богослова. Желая поддержать у Филагрія терпѣніе въ страданіяхъ, св. Григорій между прочимъ обращаетъ его вниманіе на стойковъ. „Хвалю, пишетъ онъ Филагрію, благородство и высоту мыслей у стойковъ которые говорятъ, что внѣшнее немало не препятствуетъ блаженству и что человѣкъ доблестный блаженъ, хотя бы жгли его въ Фаларидовомъ быкѣ. А по сему, какъ дивлюсь тѣмъ, которые у насъ шли на опасности за дѣло прекрасное или мужественное, переносили

бѣдствія, такъ дивлюсь и тѣмъ изъ внѣшнихъ, которые близко подходили къ нашимъ, каковы, не говоря о многихъ, Анаксагоръ, Епиктетъ, Сократъ... ¹⁾

Извѣстно, что св. Амвросій Медиоланскій для своего сочиненія *De officiis ministrorum* много пользовался трактатомъ Цицерона *De officiis* (объ обязанностяхъ).

А вотъ свидѣтельства блаженнаго Августина. сдѣланныя на основаніи собственнаго широкаго и глубокаго жизненнаго опыта. Чтеніе сочиненій платониковъ, говоритъ бл. Августинъ, навело меня на мысль искать истины выше міра чувственнаго и я устремилъ свой взоръ въ міръ сверхчувственный, постигая, что невидимая Бога, вѣчная сила Его и Божество, черезъ разсматриваніе твореній видимы (Рим. 1, 20). ²⁾ Въ своей исповѣди Августинъ отмѣчаетъ также о вліяніи на него книги Цицерона Гортензіи и утверждаетъ, что она содержитъ въ себѣ убѣжденіе или побужденіе къ любомудрію: „И эта-то книга,—признается онъ,—измѣнила расположеніе души моей. И въ этомъ отношеніи къ Тебѣ Самому, Господи, я почувствовалъ перемѣну и въ молитвенныхъ прошеніяхъ, и въ желаніяхъ, и въ обѣтахъ. Вдругъ, если не вовсе исчезли во мнѣ, то по крайней мѣрѣ потеряли свою силу всѣ суетныя надежды, и я опытно извѣдалъ ихъ пустоту и получилъ отвращеніе отъ прежнихъ пустыхъ занятій своихъ и со всею сердечною горячностью возжелалъ вѣчной мудрости и сталъ помышлять о томъ, чтобы возстать и возвратиться къ Тебѣ... ³⁾“

По вопросу о пользованіи въ интересахъ христіанства разнаго рода сочиненіями, не исключая и совершенно языческихъ, знаменитый дѣятель Церкви св. Василій Великій указываетъ, что пока человѣку мало доступна глубина св. Писанія можно прежде упражнять „око ума“ на другихъ писаніяхъ, какъ бы въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зеркалахъ. Намъ предстоитъ великій подвигъ и для лучшаго подготовленія къ нему слѣдуетъ все дѣлать, должно бесѣдовать и съ поэтами и съ историками и съ ораторами и со всѣми, отъ

¹⁾ Творенія св. Григорія Богослова Изданіе 3. Часть VI. Москва, 1889 г. Письмо къ Филагрію. стр. 234

²⁾ Исповѣдь Книга VII, гл. 20

³⁾ Тамъ же. Кн III, гл 4

которыхъ можно получить какую либо пользу для попеченія о душѣ. Истинѣ неприлично облечься и во внѣшнюю премудрость, какъ бы въ нѣкоторую листву, сообщающую пріятный видъ и покрывало для плода. Посему говорится, замѣчаетъ св. Василій Великій, что Моисей прежде упражнялъ разумъ египетскими науками, а потомъ уже приступилъ къ созерцанію Сущаго. Такъ и Даніиль сначала научился въ Вавилонѣ халдейской мудрости, и затѣмъ приступилъ и къ божественнымъ наукамъ.

Василій Великій совѣтуетъ изучать и языческія сочиненія и въ этомъ дѣлѣ подражать пчеламъ. Пчелы, поясняетъ онъ, не на всѣ цвѣты равно садятся и съ тѣхъ, на какіе опустятся, не все стараются унести, но взявъ, что пригодно для ихъ дѣла, прочее оставляютъ нетронутымъ. ¹⁾ Замѣтимъ кстати, что св. отцы при ихъ широкомъ міросозерцаніи вообще умѣли пользоваться въ интересахъ христіанства очень многимъ, не исключая и той учености, которую они называли внѣшней. По словамъ, наприм., св. Григорія Богослова, они и въ наукахъ заимствовали изслѣдованія и умозрѣнія... „Мы, утверждаетъ онъ, извлекали изъ нихъ полезныя даже для самого благочестія, черезъ худшее научившись лучшему, и немощь ихъ обративъ въ твердость нашего ученія. Посему не должно унижать ученость, какъ разсуждаютъ объ этомъ нѣкоторые, а напротивъ нужно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный и избѣжать обличенія въ невѣжество“. ²⁾

Къ приведеннымъ примѣрамъ и свидѣтельствамъ такихъ великихъ дѣятелей христіанства, какъ св. ап. Павелъ, св. Григорій Богословъ, св. Василій Великій, св. Амвросій Медиоланскій и бл. Августинъ, намъ добавлять нечего.

Ссылаясь на нихъ, мы можемъ твердо сказать, что пользованіе художественной литературой въ интересахъ проповѣди не только не противорѣчитъ широкому христіанскому сознанию, но во многихъ случаяхъ прямо требуется имъ.

¹⁾ Творенія св. Василя Великаго Часть IV Москва 1846 г. Бесѣда 22. Къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями.

²⁾ Творенія св. Григорія Богослова. Часть IV. Слово 43. Надрбное слово св. Василю Веллкому.

Надѣмся, почтенный авторъ не посѣтуетъ на насъ за сдѣланныя кое-какія дополненія къ его книгѣ. Они вызваны тѣмъ, что книга его пробуждаетъ мысль.

Попытка Я. К. Ктитарева разобраться въ русской художественной литературѣ съ точки зрѣнія вопросовъ религіи и морали очень нужна и полезна для современнаго человѣка и я хотѣлъ бы обратить на нее вниманіе русскаго общества.

Небольшая цѣна книги въ 285 страницъ большого формата, 1 р. 25 коп. можетъ лишь способствовать ея распространенію.

Н. Кузнецовъ.
